

Россия и русские – глазами южнокорейских писателей // Материалы конф. «Корейский язык, литература, культура. Взгляд из С.-Петербурга». — СПб., 2003. С. 63–76;

Что пишут о России и русских современные южнокорейские писатели? Это тема остается мало изученной в отечественном корееведении. А, тем не менее, она, несомненно, представляет интерес, и не только потому, что позволяет взглянуть на себя со стороны. Она является любопытным проявлением диалога культур, дает возможность увидеть, как реалии одной культуры осмысливаются в восприятии представителей другой культуры.

До середины 1980-х годов южнокорейцы выезжали за рубеж крайне редко. Лишь в конце правления администрации президента Чон Духвана граждане РК стали получать заграничные паспорта. В Россию они начали приезжать с начала 1990-х годов, после того, как 30 сентября 1990 г. между СССР (Российской Федерацией) и Республикой Корея были установлены диплома-тические отношения. Долгие годы Россия была окружена для южнокорейцев ореолом загадочности. Информацию о ней они черпали из западной литературы, особенно периода «холодной войны», и трудов основанных на той же литературе своих историков. В результате в сознании южнокорейцев сложилось представление о России как агрессивной по отношению к своим соседям стране с «крайне простой географией» (как сплошная равнина, где две трети территории практически не заселены, где всегда очень холодно, и потому люди – от мала до велика – пьют много водки), где крупнейшая национальность – русские – угнетают и ассимилируют другие народы, которые их за это ненавидят [i]. Популярностью пользовались произведения классиков русской литературы – Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.С.Пушкина, – но они были переведены, главным образом, не с русских оригиналов, с японских переводов. Эта переводная литература осмысливалась, к тому же, через призму национального менталитета при отсутствии знаний русской истории и реалий. Ее роль в формировании представлений южнокорейцев о нашей стране остается неизученной, но можно предположить, что она также способствовала возникновению легендарных представлений о русских и России.

Легенды о нашей стране стали постепенно заменяться реалистическими представлениями с 1990-х годов, когда в РК начали выходить популярные книги о России, написанные южнокорейцами – очевидцами: дипломатами, журналистами, аспирантами, прожившими у нас по несколько лет. В этих записках они отразили свои наблюдения, в которых причудливо переплелись реальность, полученные на родине и новые знания, собственный характер, политическая конъюнктура, сообщения прессы и пр. В настоящей статье автор познакомит читателей с содержанием двух таких книг.

Это «Россия – друг или враг?» Со Сандока [ii] и «Россия и Корея. Воспоминание об утраченном столетии» [iii] Пак Чонсу. Со Сандок в настоящее время – сотрудник Министерства по объединению РК. Пак Чонсу – дипломат в посольстве РК в Москве. Первый учился в Москве, второй – в Санкт-Петербурге, в результате оба получили ученые степени, защитив кандидатские диссертации на русском языке. Надо отдать должное их мужеству, энтузиазму и упорству: они были одними из первых южнокорейцев, приехавших на долгий срок в неведомую и казавшуюся опасной Россию, причем по собственному желанию. Спустя несколько лет они написали книги, где оба также одними из первых в своей стране открыто заявили о настоятельной необходимости преодоления недоверия, которое до сих пор существует у южнокорейцев к России, и перехода к новому этапу – развития контактов с ней. Видят этот переход они несколько по-разному.

Со Сандок призывает больше не «ворошить прошлое», не возвращаться постоянно к тем событиям, которые сделали Россию «самой ненавистной» (한반도 적국) страной для южнокорейцев. К ним он относит гибель пассажирского лайнера, сбитого советской ракетой над Сахалином в 1983 г., роль Сталина в развязывании кровопролитной Корейской войны 1950–1953 гг., идейную и финансовую поддержку Советским Союзом режима Ким Ир Сена и пр. «Конечно, это нельзя забыть, но для того, чтобы темные страницы прошлого не повторились вновь, мы должны поддерживать дружественные отношения со всеми соседними государствами, – подчеркивает Со. – Мир быстро меняется. Россия нам больше не враг. Мы сотрудничаем с ней во многих областях. Эта страна лучше всех понимает проблему объединения Кореи, желает его и больше всех от него выиграет. Пусть Россия сегодня и похожа на беззубого тигра, но она все же играет значительную роль в мире. Не следует забывать, что в вопросах сохранения мирового порядка другие страны прислушиваются к ее голосу. Есть поговорка: “Изменишь ход мысли — проявится будущее”. Нам следует не только смотреть на восток и на юг, но и обратить взгляды на запад и север. Не всегда ветер с севера несет холод. Он может освежить в жару. Мы должны перестать считать Россию врагом. Надо приложить усилия к развитию с ней отношений» (с. 31–36).

Пак Чонсу, наоборот, «ворошит прошлое» и извлекает на свет многие положительные моменты из истории русско-корейских отношений, которые сегодня в его стране оказались забытыми. Поэтому он и называет свою книгу «Воспоминание об утраченном столетии». Он указывает, что Россия и СССР оказывали поддержку национально-освободительному движению корейцев, что Санкт-Петербургский университет был первым вузом Европы, где начали преподавать корейский язык. Он высказывает, хотя и крайне осторожно, новаторское мнение, что вина за раскол Кореи в большей степени лежит на США, чем на СССР, одобряет многие шаги советской военной администрации в Северной Корее в 1945–1948 гг.

«Долгие годы мы неизменно опирались на то, что писали о России американцы и японцы – в соответствии со своими представлениями и на своем языке, – пишет Пак Чонсу. – У нас не было собственного понимания России. Нет никакого сомнения в том, что это имеющий для нас очень большую стратегическую ценность сосед. Необходим новый подход в отношениях с этой страной, основанный на чисто корейских ценностях. Мы должны выработать собственное мнение и вместе с просторной, как материк, Россией войти, как товарищи, в новое тысячелетие» (с. 5, 8).

Оба автора согласны в том, что южнокорейцы крайне мало знают о России. «Говорят, что в Японии число ученых-русистов превышает 1000 человек. В РК почти нет квалифицированных специалистов этого профиля. Почему же мы, ближайшие соседи России, столь безразличны к ее изучению?» – спрашивает Со Сандок и дает такой ответ: «Это потому, что мы не умеем заглядывать в будущее, не способны видеть то важное, что находится рядом. В нашей стране становится все меньше людей, которые хотят изучать русский язык и даже просто интересуются Россией. Сокращается число обучающихся в России южнокорейских стажеров – государственных стипендиатов, а по возвращении их не используют по специальности. Под предлогом экономии средств свертывается гуманитарный обмен. Это противоречит словесным заявлениям о том, что мы хотим улучшения корейско-русских отношений» (с. 66–67, 95). «Россию надо изучать и прилагать усилия, чтобы наши отношения с ней строились на искреннем доверии. Настоящего друга нельзя купить, и появляется он не сразу, а по истечении длительного времени» (с. 96), – считает Со Сандок. «Стоит знать, – добавляет он, – что, в отличие от нас, в России глубоко изучают нашу маленькую Корею. Тому, насколько хорошо разбираются в корейских делах российские специалисты, можно только удивляться» (с. 94).

Он опровергает распространенное в РК мнение о России как об отсталой стране. Оно возникло, как он считает, под влиянием южнокорейских средств массовой информации, которые создают у читателя искаженное представление, сообщая исключительно о том, что Москва – самый опасный для жизни город в мире, как бедно живут в России, что там нечего есть, на улицах там кишат цыгане, повсюду царит мафия (с. 51). «Если судить только по цифрам экономической статистики, то Россия отстает от РК на несколько лет, – пишет Со. – Но если вспомнить о том, что кроме материального, есть еще и духовное, то становится очевидно, что это не так. Русские – это народ, который первым испытал на себе теорию и практику коммунизма. У него оказалось достаточно способностей, чтобы первым реализовать мечту человечества и запустить в космос спутник. Пожертвовавшая множеством жизней ради строительства рая на земле, вызывавшая некогда страх у всего мира, Россия сегодня переживает трудные времена. И все же в этой стране есть скрытая сила. Это не атомная бомба и не безграничные природные богатства. Даже в темноватых поездах метро они читают Пушкина, Достоевского и других выдающихся писателей, которых Россия подарила миру. Терпя нужду, они размышляют о смысле жизни. Глядя на них, понимаешь, что этот народ

обладает ценностями, которыми можно гордиться» (с. 177–178).

Со Сандок неоднократно выражает уверенность в будущем возрождении России. «Их зима очень длинна, и с тем большим благоговением они встречают весну. Также они переживают и тяжелые времена в ожидании лучшего, – пишет он. – Россия сейчас переживает хаос переходного периода, и большинство ее жителей испытывают чувство утраты. Но они не теряют веры в Россию. Не видимая в повседневной жизни, но обязательно проявляющаяся в решающие моменты и подобная водам реки Волги русская душа всегда определяла ход русской истории. Так будет и впредь» (с. 144).

Стиль и манера изложения у Со Сандока и Пак Чонсу различны. Первый добро-желателен, эмоционален и романтичен. Он уделяет главное внимание описанию увиденного, реалиям культуры, языка, быта. Второй более «научен» и критичен, посвящает много места проблемам современной политики, проводит параллели между прошлым и настоящим. Вместе с тем оба автора нередко пишут, хотя и по-разному, об одном и том же. Главная из таких общих тем – поиск сходств-различий между корейцами и русскими.

Пак Чонсу подходит к освещению этой темы в историческом ключе, посвятив ей первую главу под названием «Россия и Корея, их фатальное сходство». Приведем несколько выдержек из нее:

«Древние представления русских о предке-медведе совпадают с обликом медведя из корейского мифа о Тангуне» (с. 23).

«Хотя Россия огромна по территории, а площадь Кореи составляет лишь сотую ее часть, оба народа испытали многочисленные иностранные вторжения и всегда защищали свои страны, не жалея жизни (с. 34).

«Открывать страну Западу или следовать политике изоляции? – этот вопрос никогда не стоял остро в Америке или на Западе. По странной иронии судьбы, его пришлось решать как России, так и Корею. В России его практически решил Петр I, а в философском плане ответ на него ищут мыслители со времен Чаадаева. В Корею он вылился в идейное противостояние между движением «за новые науки» (*сирхак*) и неоконфуцианством,

«прогрессивной группировкой» (

кэхвапха

) и сторонниками течения «защитим истину, изгоним ересь» (

виджон □ *чхокса*

). Японская агрессия положила конец этой борьбе идей. Так исторически сложилось, что в Корее было лишь слепое «западничество», а вот свое «славянофильство» корней пустить не смогло, поскольку после освобождения от японцев Корея оказалась под влиянием США и СССР. Этот дисба-ланс в развитии общественной мысли привел к тому, что наша страна и сегодня не может освободиться от иностранного влияния» (с. 46).

«Как корейцы не любят японцев, также, а может, и в большей степени резко отрицательно относятся русские к монголам. Они считают 240 лет монгольского ига самыми трагичными страницами своей истории, и воспоминание об этом глубоко укоренилось в их душах. Как следствие, они испытывают затаенный страх перед Востоком. В Европе Россия всегда держалась уверенно, поскольку в прошлом одержала победы над Наполеоном и Гитлером. Но в отношениях со странами Востока у нее все было по-иному. Это не только история покорения ее Чингис-ханом, но и поражение в войне с Турцией, за что Россия даже получила наименование “бумажного тигра”, проигрыш в русско-японской войне. Так что страх русских перед Востоком закономерен. Монгольские завоеватели были и в Корее, и первая встреча корейцев и русских произошла именно в этот период – в ставке монгольского хана. Для обоих народов освобождение от монгольского ига стало началом перехода к созданию современного государства» (с. 78-81).

Пак Чонсу приводит множество и других примеров сходства, по его мнению, исторических судеб России и Кореи. В частности, бритье бород у бояр Петром I напоми-нает ему обрезание традиционных корейских причесок *сантху* в ходе японских реформ 1894-1895 гг. Он сравнивает тонхакское восстание 1894 г. с октябрьской рево-люцией, подчеркивая народный характер обоих выступлений (с. 48), а строительство Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в 1818-1858 гг. – со строительством дворца Кёнбоккун в Сеуле в конце 1860-х годов, считая их похожими по сути примерами жесто-чайшей эксплуатации народа и деградации правящего класса (с. 52–53). Повторяя преобладающее среди южнокорейских историков мнение [iv], он утверждает, что русская экономика в конце XIX – начале XX вв. находилась в полной зависи-мости от француз-ского, английского и немецкого капиталов и потому Россия вынуждена была подчиняться воле западных дер-жав в своей внешней политике. Это наводит на мысль о сходстве экономического и международного положения России и Кореи в тот период (с. 54–55), с чем никак нельзя согласиться.

Со Сандок решает вопрос о сходстве корейцев и русских в культурно-эмоцио-нальном

плане. «Русских даже можно назвать “западными корейцами”, поскольку сходств между нами бесчисленное множество, – считает он. – Внешне они грубы, но душа их полна теплых чувств; они отзывчивы, в любом деле придают серьезное значение сохранению достоинства и выполнению морального долга. Они чувствительны (감정민감), и это проявляется в их языке, где обозначающие эмоции прилагательные и наречия значительно более развиты, чем существительные и глаголы, необходимые для логичной и рациональной речи. Кроме того, у существительных существуют ласкательные и уменьшительные формы. Например, слово «мать» имеет 15 таких форм. Таким образом, их язык выражает очень широкий спектр чувств, и написанная на нем литература обычно находит отклик в корейской душе. Не только русская народная, но и классическая музыка русских композиторов как-то ближе корейскому уху, чем другая западная музыка. Видимо, поэтому, в нашей стране так любят Чайковского» (с. 140–143).

Среди сходных черт двух народов Со Сандок выделяет любовь русских к корейской кухне, милосердие, которое выражается в том, что многие подают деньги нищим на улице (с. 51), гостеприимство. «Способ приема гостей у них совпадает с нашим, как и чувства, которые они при этом испытывают, – сообщает он. – Как и корейцы, русские выставляют на стол столько угощения, что он буквально ломится, и любят, чтобы гость наелся до отвала. Так же и с выпивкой. На Западе обычно пьют столько, сколько хотят, каждый по собственному разумению, но в России любят тост «до дна». Если гость не напился, хозяин начинает переживать, что недо-статочно хорошо его угостил» (с. 142–143). Застолью в жизни русских Со посвятил целый раздел, название которого говорит само за себя: «Водка – их жизнь» (с. 240–244).

Считая эмоциональность важнейшей отличительной чертой национального русского характера, Со Сандок предполагает, что она особенно ярко проявилась во время большевистской революции 1917 г. Ему представляется, что большевики смогли тогда победить только потому, что дело происходило именно в России. «Их национальный менталитет, где эмоции доходят до предела, воспринял неведомый марксизм в качестве идеологии и сделал самого себя объектом эксперимента», – пишет он, ссылаясь в подтверждение этой мысли на Д.С.Лихачева (с. 143).

Со Сандок указывает на терпение, упорство и выносливость русских. Это подтверждают, по его мнению, история России и то, что происходит в ней сейчас. «Один из примеров – сохранявшаяся в этой стране до конца XIX в. абсолютная монархия, – пишет он. – Множество крепостных, от-дав себя в собственность аристократам, безропотно терпели свою судьбу. В последние годы, на этапе перехода от социализма к капитализму, русские испытывают крайнюю бедность и лишения, но при этом никак не протестуют. Однако такое длительное терпение в сочетании с эмоциональностью, как это показали русские революции 1917 и 1991 гг., приводят к

реакции, доходящей в своих формах до крайности» (с. 144).

Пак Чонсу дополняет представление о русском характере другими деталями:

«В характере каждого человека сосуществуют как положительные, так и отрицательные черты, но у русских разрыв между темной и светлой стороной природы велик как ни у какой иной нации, – отмечает он, ссылаясь на Н.Бердяева. – В русском характере удивительным образом сосуществуют величие и низость, открытость души и бесчувственность, стремление к свободе и рабская покорность, трудолюбие и лень» (с. 19).

«На Западе русских нередко называли “северными медведями”. Имелось в виду, что эти животные коварны и агрессивны и что русские, подобно им, планировали заговоры из-за «железного занавеса». Однако это сравнение кажется надуманным. В русских сказках медведь никогда не делает подлости другим. Он, наоборот, туповато-простодушный и вступает в драку, только если на него нападают. Русские имеют эти медвежьи черты» (с. 23–25).

«Со времен Московского княжества среди разных слоев и сословий сложилась традиция считать превыше всего служение царю и отечеству, что способствовало формированию такой особенности национального характера как услужливость (потребность служить, *꺃꺃꺃꺃 꺃꺃 꺃꺃*)», – пишет Пак и считает, что русским присуща ностальгия по «сильной руке», приверженность абсолютизму, если можно так перевести используемый им термин *хванджеджужуй*.

По мнению Пак Чонсу, «широта российских равнин способствовала формированию широты русской души, но с другой стороны, – была средством порабощения народа. В результате у русских не выработалось европейской расчетливости, практичного отношения ко времени и пространству и практицизма» (с. 32).

Символы. Оба автора считают символом России русских женщин. Со Сандок посвящает несколько разделов их внешности и общественной роли, вопросам морали, любви и брака. «Встречаясь со своими русскими друзьями, я стал понимать, насколько важным было для них общение с их девушками, насколько высоко они их ценили, и загадку их

женщин мне хотелось понять даже больше, чем другие стороны их культуры (с. 154), – отмечает он. Вот несколько фрагментов из его размышлений о русских женщинах:

«У славянских девушек белая кожа, они высоки ростом, имеют пропорциональное телосложение, и то, что они красивее женщин других национальностей – это неоспоримый факт. Это единодушно признают все посещающие Россию южнокорейцы. Ни один мужчина не может сдержать восхищения, глядя, как они идут по улице: длинноногие, белолицые, с полной грудью, – благоухая ароматом духов. Рядом с такой красавицей даже в переполненном автобусе ехать приятно» (с. 150-151).

«Русские студентки, которые, как может показаться, озабочены только модой, тем не менее, внимательно слушают лекции преподавателей. Однако когда видишь, как они во время перемены в мини-юбках садятся на парты так, что видно нижнее белье, понимаешь, что между их культурой и нашей существует определенная разница. Для русских девушек демонстрация тела – один из способов подчеркнуть свою красоту. Похоже, что чрезмерная откровенность в данном случае считается уместной. В противоположность этому, женщины средних лет чрезвычайно следят за соблюдением приличий (□□□ □□□) и одеваются строго, что, возможно, есть проявление гордости, оставшейся от тех времен, когда их страна была великой социалистической державой» (с. 152–153).

«Русские в вопросах секса намного более открыты, чем мы. Тут ничего не подделаешь, поскольку мы имеем различную историю и бытовые особенности. Для них взаимоотношения полов так же легки, как для нас рукопожатие. Это факт, что в условиях переходного общества, когда разрушились старые социалистические ценности, некоторые русские женщины, из-за трудностей жизни, насмотревшись западных кинофильмов, зарабатывают как интер-девушки. Однако ни в коем случае нельзя считать интер-девушками всех россиянок. Это явление есть в любой стране» (с. 153–154).

«Рассказывая о России, неизбежно начинаешь говорить о русских женщинах. И это рассказ не только о длинноногих и стройных красавицах. У них женщин намного больше, чем мужчин. Причина тому – гибель мужчин в бесконечных войнах, а также отсутствие у семейных пар предпочтения сыновьям по сравнению с дочерьми. Многие молодожены мечтают иметь дочерей, и это может быть еще одной причиной, почему женщины в России численно преобладают».

«Здесь повсюду большинство работающих – женщины. Насколько много в России женщин, настолько велика и их сила. Нет такой сферы, где бы они ни работали. Там, в отличие от нас, практически нет домохозяек». Одну из причин полной женской занятости в России Со Сандок видит в политике первых лет советской власти, когда был провозглашен лозунг «Освободить женщин от домашнего рабства!» Другая причина, по его мнению, состоит в том, что для бесконечных войн, в которых участвовала Россия, и для охраны ее огромных границ всегда требовались мужчины. Поэтому все хозяйство ложилось на плечи женщин. Это привело к тому, что женщины занимаются не только сельским хозяйством, но и работают в промышленности и на строительстве дорог, водят автобусы и автомобили, строят дома» (с. 159–160).

«Почему стройные и красивые русские девушки с годами превращаются в толстых теток?» – этому вопросу, который “задают все побывавшие в России южнокорейцы”, Со Сандок посвящает целый раздел (с. 155-161), потому что “в Корее, где хорошая фигура есть основа красоты, трудно понять, как полные женщины могут пользоваться признанием в обществе”. Причину он видит в многочисленности социальных ролей русских женщин. «Для выполнения физической работы требовались здоровые женщины. Чтобы быть здоровым и легче переносить холод, надо много есть, и полнота, таким образом, была естественным следствием образа жизни. Полная женщина стала символом красоты и героиней социалистической пропаганды. Полнота не считается позором. Наоборот, полные женщины гордятся тем, что внесли вклад в строительство родины, и уверены, что будут вносить его и дальше», – пишет Со Сандок. (с. 160-161). На его взгляд, женщины – это та сила, на которой держалась и держится Россия, потенциальный источник будущего возрождения ее как могучего государства (с. 158).

В разделе «Великая женщина, святая мать» Пак Чонсу также отдает дань красоте русских женщин и сообщает, что «в России есть три вещи, которыми здесь особенно гордятся. Это водка, черный хлеб и женщины». Он также стремится опровергнуть, видимо, устоявшееся в его стране негативное представление о русских красавицах. «Наши средства массовой информации нередко публикуют фотографии групп девушек, приезжающих в Южную Корею из России, с подписью: “Русские женщины = проститутки”. Ставя здесь знак равенства, они, таким образом, стремятся вызвать интерес у поверхностного читателя» (с. 66), – пишет Пак. Вместе с тем его понимание социального статуса русской женщины своеобразно и напоминает то, что пишут газеты РК о положении женщин в самой Южной Корее. Так, он сообщает, что согласно данным российского МВД, ежегодно в России подвергаются изнасилованию около 14 тыс. женщин (при этом общие сведения о численности женщин в России не приводятся), что русские больницы переполнены женщинами, делающими аборт; что огромное их количество подвергается физическому насилию со стороны мужей. Начало притеснению женщин в России положило, по мнению Пак Чонсу, татаро-монгольское иго, а их раскрепощение началось в середине XIX в., одновременно с упразднением крепостного права. Главными борцами движения за освобождение женщин он называет

А.М.Коллонтай и В.И.Ленина, с которому вообще относится с огромным уважением. Вывод Пак Чонсу неожиданен. «После победы революции всеобщая занятость сняла традиционную зависимость женщины от мужчины, но несмотря на все это (авт.), на женщину всегда смотрели как на святую» (с. 71), – пишет он. Надо сказать, что противоречие между аргументами и выводами отличает книгу Пак Чонсу в целом. Похоже, это делается намеренно, и объяснение этому мы попытаемся найти ниже.

Подчеркивая, как и Со Сандок, что «вряд ли есть еще в мире место, где бы женщины выполняли так много ролей как в России», Пак Чонсу приводит своеобразные примеры из истории и литературы: рассказывает о Екатерине II, которая свергла с трона своего мужа и за свою жизнь имела по меньшей мере 12 любовников; о главной героине романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Соне, которая «хотя и была проституткой, но, благодаря своим душевному теплу и вере, встала выше жестокого и безбожного Раскольников»; о Катюше из толстовского «Воскресенья», которая, «хотя и стала проституткой, но смогла пробудить раскаяние в душе совратившего ее Нехлюдова». Прошлое русской женщины у Пак Чонсу также символизирует мать из романа Горького, которая поначалу «жила как в аду из-за бесчеловечной эксплуатации и побоев и обрела веру в себя и свободу, когда соприкоснулась с идеями революции» (с. 69–70).

«Говорят, что у каждого русского есть три матери: мать, его родившая, родина-мать и Богородица, – сообщает Пак Чонсу. – Как и корейские матери, русские матери обычно всем жертвуют для мужа и детей. По виду это западные светловолосые женщины, но внутри, как и матерей-кореенок, их переполняет любовь» (с. 72).

Пак не чувствует различий между государством и отчизной в русском понимании. «Для русских государство, то есть родина, – предмет любви и одновременно ненависти, поскольку оно разными налогами отнимает их имущество и ограничивает их свободу, – пишет он. – Государство для них – это тот объект, который надо защищать, и любя, и ненавидя. Так они защищали его от Наполеона, а также от Гитлера в годы второй мировой войны. Их душу символизирует фигура Родины-матери, стоящая посередине Пискаревского кладбища в Санкт-Петербурге. Среди русских икон, которыми Россия гордится как достижением национальной культуры, больше всего икон Богородицы: существует около 300 разновидностей ее изображений» (с. 72).

Исходя из того, что русские женщины не «вступают в брак» (married with), как на Западе, а «выходят замуж» (결혼 함), как в Корее, Пак Чонсу делает вывод, что русские женщины в семье по-прежнему подчиняются мужу и одновременно вынуждены работать, «терпя,

таким образом, эксплуатацию с двух сторон». Вместе с тем он указывает, что, по статистике, участие женщины в общественной жизни после распада социализма в России очень возросло (с. 73).

Интересно посмотреть, что авторы выделили как особенные стороны российской жизни. Как на негативные явления они указывают на неприветливость персонала «куда бы ни пошел», грязь и дурной запах в домах простых людей, собачий кал во дворах, милицейские проверки, высокие цены, долгую холодную зиму, отсутствие общественных туалетов, несоблюдение водителями правил дорожного движения, что «де-лает дороги в России похожими на базарную площадь», мздоимство ГАИ, бюрократизм, который «привел к краху великий Советский Союз» (Пак, с. 227). Сравнивая представления о времени русских и корейцев, Пак Чонсу считает, что главное различие между ними заключается в том, что кореец может опоздать, но все же приходит на назначенную встречу, русские нередко не появляются вовсе (с. 226).

Положительные стороны. Для Со Сандока это, в первую очередь, отсутствие расовой дискриминации, и его записи на эту тему опровергают заявления южнокорейских авторов, настаивающих на существовании в России расистского отношения к корейцам [v] [1]. «В России русские – самый большой народ. Они белые, но чувства расового превосходства у них нет, и при заключении брака они обычно не обращают внимания ни на национальность, ни на цвет кожи. Имеют значение только чувства, – пишет он. – Они уважают корейцев за трудолюбие и умение хорошо жить» (с. 50–51). По его мнению, «здесь нет таких бытовых удобств, как в передовых Америке или Европе, и все же находясь в России долго, начинаешь понимать, что эта земля имеет свое очарование, и что здесь живут люди, с которыми хочется дружить» (с. 49, 52).

Со Сандок также отмечает высокий уровень образования в России, где в советские годы государство вкладывало много средств в фундаментальные исследования (с. 84–89), рассказывает о любви русских к искусству, небывалых для южно-корейцев отпусках российских трудящихся длиной в месяц, о том, что роженицам в российских больницах оказывают помощь бесплатно, что маленьким детям также бесплатно государство еже-дневно выдает молоко (с. 162–164) и пр.

Позиция Пак Чонсу, как всегда, двойственна, и черт русской жизни, которые он бы признал однозначно положительными, автору настоящей рецензии обнаружить не удалось. Вот пример. Он указывает, что одним из главных его приобретений в России было осознание важности и значения цветов, поскольку через них ему удалось понять русскую душу. «Русские могут обойтись без хлеба, но не могут жить без цветов, –

сообщает он. – Цветы здесь продают повсюду, даже зимой. В основном их привозят из-за границы. Особенно любимы розы. Видимо, поэтому цена на розы в России превос-ходит все мыслимые пределы». Он сообщает, что в 1990 г. одна роза стоила 3 рубля. Букет (3 штуки) – 9 рублей. Это была примерно двадцатая часть среднего заработка, и все же люди покупали эту роскошь. Покупают они цветы и сейчас – и для мужчин, и для женщин, тратя порой несколько десятков долларов на букеты. «Не разумнее ли было купить на эти деньги что-нибудь более практичное?» – недоумевает Пак Чонсу. Его вывод, как обычно, противо-положен основному содержанию. «Люди, которые до безумия любят цветы! – восклицает он. – Таким людям нет причины не желать мира. В России живут люди, любящие цветы и мир, и это делает светлым ее будущее» (с. 229–231).

К удивившим его сторонам русской жизни Со Сандок относит ранние браки, которые заключаются задолго до того, как человек приобретает экономическую самостоятельность; частые разводы, отсутствие у русских отцов ответственности за семью; коммунальные квартиры, где несколько семей пользуются одной ванной и туалетом (с. 208–210); нестабильность российской банковской системы и недоверие к ней населения, кото-рое переводит сбережения в доллары и хранит их дома (с. 190). Со Сандок поражен, что русские совершенно не торгуются на рынке, и считает это пережитком советских времен, когда при дефиците товаров денег у людей было достаточно и главное было не сэкономить деньги, а приобрести нужную вещь (с. 187–188).

Пак Чонсу отмечает как достойное удивления представление русских о порядке, глав-ным проявлением которого он считает очередь. Он сообщает, что в советское время самая длинная очередь была за билетами в театр. Она воплощала стремление народа к куль-туре. В процессе распада СССР ведущее место заняла очередь за продуктами – во имя выживания. На посторонний взгляд очередь беспорядочна, но внутри ее существует строгий порядок. Этот порядок внутри хаоса есть одна из особенностей общества в целом. «Стояние в очереди – русская традиция и гордость» (с. 228), – настаивает Пак Чонсу.

Этот автор завершает свою книгу словами, которые, как представляется, объясняют двойственность и противоречивость ее содержания. «Я написал эту книгу, чтобы помочь корейской интел-лигенции освободиться от цепей предубеждений и антикоммунистических идей и прикоснуться к забытым страницам столетней истории корейско-россий-ских отношений, – пишет Пак Чонсу. – Имея в течение многих лет дело с Россией как практически, так и теоретически, я, конечно, мог незаметно уклониться в российскую сторону (имеется в виду: «высказывать мнение российской стороны» – авт.). Но я хотел бы, чтобы читатель понял мое искреннее желание писать о России не с

про-российских (

чхин-но

) позиций, а с позиции знания о России (

чи-ро

), и то, каких трудов мне это стоило. Если читатель хоть в некоторой степени это почувствовал, то мне нечего больше желать».

Ситуация вполне понятна. В Южной Корее более 100 лет (вплоть до сегодняшнего дня) было не принято и даже опасно писать о России не только положительно, но даже хоть сколько-нибудь объективно и правдиво. Быть первопроходцем, идти вразрез с вековой традицией очень трудно, и то, как нелегко далось это Пак Чонсу, я ощутила в полной мере, отыскивая логику в его повествовании. Но как бы там ни было, рассмотренные в настоящей рецензии книги отчетливо свидетельствуют, что в последние годы в Республике Корея появился новый вид популярной литературы. Это книги о России и россиянах, увиденных не через труды японцев и американцев колониального и послевоенного периодов, а глазами молодых (а значит, свободных от прошлых обязательств и непредвзятых южнокорейцев. Эти авторы знают русский язык, долго прожили в нашей стране, имеют здесь друзей. Их жизненный опыт и книги – бесценный вклад в развитие отношений России и Кореи.

[1] Квон Хиён. Хангук-ква Носиа: кванге-ва пёнхва (Корея и Россия: отношения и изменения). Сеул: Кукхак чарёвон, 2000, с. 82.

[i] Сеге чири (Мировая география). Учебник для старших классов средних школ. Одобрено Министерством образования РК в 1995 г. Сеул: Кёхваса, 2000. С. 277–291.

[ii] Со Сандок. Росиа чог-инга чхингу-инга (Россия – враг или друг?). – Сеул: Тэсан чхульпханса, 2001. 281с.

[iii] Пак Чонсу. Росия-ва Хангук. Иропорин пэннён-ый киог-ыль чхаджасо (Россия и Корея. Воспоминание об утраченном столетии). – Сеул.: Пэгый, 2001. 287 с.

[iv] См., например: Хан Джонсук. Чеджон Росиа чегукчуый-ый Манджу-Чосон чончхэк («Политика царской России по отношению к Маньчжурии и Корее») // «Ёкса пипхён» («Критический взгляд на историю»), № 35, осень 1996, с. 215.

[iv] □□□□□.

[v] Квон Хиён. Хангук-ква Носиа: кванге-ва пёнхва (Корея и Россия: отношения и изменения). Сеул: Кукхак чарёвон, 2000, с. 82.

Simbirtseva T. Russia and Russians as Seen by South Korean Writers.

The article introduces the contents of 2 books about Russia published in Seoul in 2001: “Russia: Friend or Foe?” by Soe Sang-deok and “Russia and Korea. Reminiscence of the Lost Century” by Park Chong-su. Both authors studied in Russia as post-graduate students in 1990’s and received their Ph.D. degrees here. They became one of the first people in the Republic of Korea, who openly claim an urgent necessity of overcoming the distrust of Russia, which has been preserved among South Koreans for many years, and of entering a new period of Korean-Russian relations – of mutual cooperation and understanding. Although this main idea is the same, the writers see the transition to the new relations in rather different ways. Soe Sang-dok advices not to «stir the past» and to stop incessantly returning to the events, which once made Russia «the most hated» country for South Koreans. He concentrates on describing Russian traditions, character, and everyday life and shows the positive features of Russians, who, by his opinion, have much in common with Koreans. Park Chong-su, on the contrary, «stirs the past» and reminds of many positive pages of the history of Korean-Russian relations, which are presently forgotten in his country.

Опубликовано в: Материалы конф. «Корейский язык, литература, культура. Взгляд из С.-Петербурга». — СПб., 2003. С. 63–76;